

Всепроникающий эфир

Анастасия Полякова

Прошло немало времени с тех пор, как Настя в последний раз звонила родным. Приближалась дата очередного запланированного сеанса связи, и девушка была совершенно к нему не готова. Переживания и тревога измучили ее вконец, слишком многое случилось за такой короткий срок.

Настя боялась, что стоит ей отвернуться, задремать или отойти куда-нибудь — и непременно опять случится что-то ужасное. Что, если после очередного разговора она или ее собеседник на какое-то время покинут Линь Ян Шо, кого-то из них совершенно точно настигнет беда. Она смутно помнила, как разговаривала с Маркусом перед его поездкой в Африку, как ей чудилось, что самое тяжёлое они обсудили и дальше будет легко-легко. А потом она сама ненадолго уехала, поступила в вуз и попробовала жизнь обычной студентки — вышло не очень, учитывая, как много она не могла рассказать, — и вернулась в итоге в монастырь, чтобы узнать, что Маркус чуть не умер, что его буквально с того света вытащили после этой злосчастной поездки в Африку.

Ещё более смутно Настя помнила последний разговор с Яреци: это было о ее брате, эта их недоссора, или они успели столкнуться ещё раз и поговорить подружески, прежде чем девушка умерла в считанных шагах от монастыря, а Настя опять узнала все случайно и по слухам, откуда-то из десятых рук? Настя не могла вспомнить.

Соседке по комнате тоже лучше не становилось, с ее все приближавшимся первым превращением.

Будь она дома, Настя просто кинулась бы в объятья родителей или дедушки (убедившись, что младшей сестренки рядом нет, не надо ей Настю такой видеть), но девушка не была дома, а плакаться по телефону, имея в качестве утешения только голоса и экран смартфона, не хотелось. Одна только мысль об этом расстраивала ее ещё больше.

Но время звонка неуклонно приближалось. Лучше Насте не становилось. Надо было срочно что-то делать.

Анастасия Полякова

И после некоторых раздумий девушка пришла к внезапной совершенно идее сделать эфирное масло, из лаванды. Оно должно было помочь ей и с тревогой, и с подступающей бессонницей. А если относительно недавно прочитанное ею исследование было верным, то ещё и с болью (в статье писали, что втирание эфирного масла лаванды в болезненный участок у многих пациентов уменьшало болезненные ощущения).

Да и сам по себе процесс создания эфирного масла должен был увлечь ее достаточно, чтобы она вновь почувствовала себя той девчонкой с горящими

глазами, почти полным отсутствием такта и просьбами "научи, научи", которая в первую же минуту разговора с Яреци брякнула про ее беременность, а от Инги, опоздав сама и запыхавшись, требовала имя и чуть ли не всю подноготную. С этой целью она закупила сушеных побегов лаванды, три пустых банки (одну из них матовую, черного цвета) и бутылку оливкового масла, а затем отыскивала марлю и ножницы. Столик в комнате был всего один, и Настя надеялась, что Инга не будет сильно против, что она его полностью заняла под свои нужды.

Эфирных масел до этого Настя ни разу сама не делала, только пару раз помогала маме, ещё лет десять назад, так что даже не думала, что все идеально получится, но почему бы не попробовать, верно?

Инга Шаманова

Инга ввалилась в комнату кое-как. Неимоверно болела голова: то ли от бессонницы, вызванной постоянными кошмарами (это ее звериная сущность пыталась так поговорить, видимо), то ли от постоянного напряжения и злости, которые все копились и копились, а деть их было некуда. Не собачиться же со всеми в монастыре, честное слово. Она уже насобачилась, а теперь, когда помощь нужна, никто и не подойдет, должно быть. Сама Инга точно не подошла бы. Она бы и половину того терпения не проявила к самой себе, как то, что проявили Лиза, Фокс или Настя.

Ингу, честно, и саму уже достали перепады настроения и все те американские горки, что она устраивает каждому встречному. Идти в таком состоянии в лазарет не хотелось вовсе, а то опять кому что скажет — и очередной скандал готов. Да и соседка у нее не просто так врачеватель: если совсем приспичит, поможет. Она хоть зло свое, знакомое уже более-менее.

Инга осторожно сняла с пояса отцовский нож и положила его на комод, затем поставила обувь и свернулась калачиком на матрасе. И только тут заметила отчётливый цветочный аромат. Настя сидела неподалеку, заняв своими вещами весь стол, и так не сильно вместительный вообще-то. Но жаловаться не было сил, так что Инга промолчала.

Анастасия Полякова

Настя аккуратно разложила две трети купленных побегов, решив оставить треть на тот случай, если первая попытка окажется провалом, и взяла в руки ножницы. Насколько она помнила, сначала стоило нарезать побеги так, чтобы длиной они были примерно с ладонь, а уже чуть позже, после разбора и очистки, разделять на более мелкие части. Девушка принялась осторожно орудовать ножницами, отрезая и откладывая подальше в сторону более толстые и грубые части основания. Мелькнула мысль, что надо было хоть корзинку или миску какую под мусор взять, а то сейчас не только стол, но и весь пол в лаванде будет.

"Ладно, чуть позже схожу," — решила по себя Настя. В этот самый момент дверь открылась, и в комнату вошла Инга. Выглядела она явно нездорово и почти мгновенно рухнула футом, служивший ей кроватью. Ещё никогда Настя не видела свою соседку по комнате такой усталой и измученной. В последнее время ее характер становился все хуже: контакт со зверем у нее налаживался так себе, а

симптомы, предшествовавшие скорой трансформации, лишь ещё больше ухудшали ситуацию.

Настя перехватила взгляд, брошенный Ингой на заставленный банками и травами стол, и приготовилась к очередному комментарию. Ее терпение все больше истощалось, но раздражение было все же лучше грусти и почти апатии. Вот только никакого комментария не последовало, и Настя поняла, что девочке совсем плохо.

Анастасия Полякова

Отложив ножницы, Настя чуть расфокусировала взгляд и присмотрелась к чужой ауре: отвратительные всполохи какого-то ало-коричневого (при таком освещении точно и не сказать) покрывали больше часть черепа, явно указывая на сильную головную боль, а по всему телу тут и там мелькал фисташковый (ещё и упадок сил). Девушка осторожно подошла ближе, не уверенная, примут ли ее помощь.

Проводить полноценное лечение Настя несколько опасалась: ее эмоциональное состояние было далеко не лучшим, вследствие чего и физически она чувствовала себя не очень хорошо, а полностью убирать с себя ша-ци, полученную от пациента, она до сих пор не научилась. Начать лечение только для того, чтобы самой свалиться тут же и до конца не помочь, было так себе идеей. Как хорошо, что в монастыре предлагали и другие методы.

Настя потерла друг о друга ладони, дожидаясь, пока они станут достаточно теплыми, и подумала, стоит ли применять сейчас травы. Но готового отвара от головной боли у нее не было, а ещё больше раздражать чужое обоняние, пока она будет все собирать и готовить, по меньшей мере глупо. Про обострённые чувства оборотня Настя научилась помнить всегда.

Девушка с предельной осторожностью коснулась головы Инги, начиная массаж точек Серебряного моста, одновременно пропуская через пальцы слабый поток зеленой энергии Анахаты (на нее точно никакой негативной реакции не последует) и вытягивая потихоньку бурую энергию ша-ци. Нажатие само по себе было болезненным, но помогало от головной боли и напряжения глаз.

Убедившись, что боль стала тише, Настя остановилась. Дальше можно было просто переждать.

— Лаванду я сейчас уберу, а тебе принесу холодной воды и тряпку, хоть на лоб положить, ладно? — тихо поинтересовалась Настя, быстренько собирая все, что до этого на столе разложила, в полуприличные кучки. Разом все ей, конечно, не забрать, придется все же поискать корзину или тазик какой, но начинать с чего-то надо.

Инга Шаманова

Теплые, аккуратные касания оказались... приятными. А вот давление по точкам совсем не очень. Но Настя, похоже, знала, что делала (или просто врачеванием там своим подколдовала), потому что боль, хоть и не исчезла совсем, стала заметно тише. Инга подумывала спросить, не хочет ли соседка взамен ещё один фокус с магией земли (как в тот, первый раз, когда она ее вылечить предложила в обмен на

какой-нибудь трюк с земляной стихией). Подумывала недолго, когда вспомнила, что подвижек в магии земли у нее никаких. Как и в превращениях. Как и во всем остальном вообще-то. Состояния ее это не улучшало.

Запах лаванды, забившийся в нос, раздражал невероятно: слишком много, слишком сильно, зачем вообще столько этих цветов надо было!? Но мало ли зачем, если человек разбирается в травах, сборы всякие готовит, людям помогает, а во врачевании и ментальной магии какого никакого, а мастерства добился. Пока ты, Инга, не можешь своего зверя в узде держать, со всеми собачишься, а ни оружием, ни рукопашным боем, ни магией земли овладеть не можешь.

Инга ещё больше уткнулась лицом в матрас. Видимо, хотя бы часть проблемы Настя осознала, потому что принялась спешно лаванду собирать. Да и холодная тряпка на лоб звучала не так уж и плохо.

— Открой окно проветрить. — Инга слабо удивилась, поняв, что ее слова сейчас почти походили на просьбу. А не требование, как обычно. — Цветы можешь оставить, чуть-чуть. — заметно тише добавила она. Ей подумалось, что капелька лаванды будет пахнуть хорошо, а Насте не придется мучиться, вычищая из комнаты каждый мелкий лепесточек. Небольшая благодарность за лечение, только и всего.

Волчица внутри скалилась, рычала, билась головой и выла, как будто почти обиженная, что Инга не стала придираться к соседке, дала слабину. Но Инге совсем не хотелось ее слушать сейчас, и поддаваться ей не хотелось тоже. Хотелось просто на часик-другой закрыть глаза и отдохнуть в тишине и покое.

Анастасия Полякова

Настя спешно посетила душевые, отыскав там пару тазиков (оба диаметром в половину ее руки). Один из них она наполовину заполнила холодной водой, туда же бросила пару чистых тряпок и поставила все это во второй тазик. Девушка осторожно несла свою ношу, боясь ненароком на кого-то наткнуться, но в разгар дня, похоже, никого в общежитии не было, а те, кто был, отсиживались по комнатам.

Инга все так же лежала, свернувшись калачиком, на матрасе. Но казалась уже поспокойнее. Настя огляделась, пытаясь понять, куда поставить таз с водой. Ну не на комод же, ещё опрокинется и зальёт Инге всю постель. Получалось, что только на пол, но перед этим нужно было вытащить второй тазик и оставить его у стола. Закончив с нехитрыми приготовлениями, Настя осторожно отжала тряпку и повернулась к Инге. Та все ещё лежала, уткнувшись лицом в матрас, и Настя аккуратными жестами убеждала ее немного повернуться. Наконец, она положила ткань ей на лоб и, вернувшись к столу, поспешно собрала лаванду в пустой тазик. Сверху притулились три пустых банки, бутылка оливкового масла, марля и ножницы.

Ещё раз оглянувшись на Ингу, Настя приоткрыла окно и оставила на подоконнике веточку лаванды. То, что Инга об этом попросила, ее несколько удивило, но в целом Настя давно уже пришла к выводу, что соседка по комнате себя так ведёт из-за совокупности нескольких факторов, одним из которых, да, оказалось пробуждение способности к превращениям. Но как только она решит свои проблемы, наверняка вернётся к более спокойному и дружелюбному нраву.

Ну, Настя на это надеялась.

Анастасия Полякова

После некоторых размышлений Настя вышла на общую террасу общежития и поставила свой набор по созданию эфирных масел на стол. Пусть Инга отдохнёт пока у них в комнате, в тишине и покое, а Настя все же попытается сделать эфирное масло. На успех она особо не рассчитывала, но, может, всё-таки получится что-то не совсем бесполезное. И можно будет маме отправить, на небольшую проверку, пусть поделится мнением профессионала. Мама, правда, и сама нечасто таким занималась, но совета спросить лишним не будет.

Никого по-прежнему не наблюдалось, и Настя в полном одиночестве разбирала лавандовые веточки, старательно отрезая более грубые части растений. Это занятие на удивление умиротворяло, и девушка задумалась над тем, чтобы в ближайшее время заняться медитацией. Может, хоть это поможет разобраться в ее тревогах. Не обязательно же даже именно сидеть и дышать, можно и той же каллиграфией заняться. Настя давно уже не брала в руки кисть. А ведь интерес никуда не делся. Но это потом. А сейчас — эфирное масло.

Закончив с первичным разбором, Настя продолжила резать веточки, просто теперь на более мелкие части. С ножницами было не сильно удобно, ручки неприятно впивались в пальцы после долгой работы, но оставалось не так много и получить эфирное масло очень хотелось, поэтому девушка терпела. Как только с этим было покончено, она отложила ножницы в сторону, тут же решив, что снова притронется к ним ещё очень нескоро. Оторвав кусок марли (она не возьмёт снова ножницы, спасибо!), Настя принялась осторожно, но твердо разминать лаванду. Это должно помочь выделить аромат. Ну, если она это правильно запомнила, но с тех пор, как помогала маме готовить эфирные масла, прошло лет десять, так что оставалось надеяться на лучшее.

Как только ей показалось, что этого хватит, Настя пересыпала лаванду в две прозрачные банки, заполнив каждую примерно на половину, и залила их оливковым маслом. Она плохо помнила, сколько масла лить, поэтому в первую залила ровно столько, чтобы закрыли всю лаванду, а во вторую — немного больше, так, что до краев масло не доставало всего нескольких сантиметров. Плотно закрыла банки.

Теперь надо было настаивать это все на солнце. Был, конечно, более быстрый вариант с нагревом на водяной бане, но там придется ещё и точно высчитывать градусы нагрева, а термометра у Насти не было. Оставалось только солнце. Пройдет, пожалуй, дня два, прежде чем масло начнет приобретать аромат, а по хорошему надо бы вообще несколько недель ждать. Но Настя все же решила ограничиться двумя днями и дальше действовать по обстоятельствам.

Но куда же это поставить? Ещё выкинут случайно. Получалось, что лучше у себя же на подоконнике. В принципе, банки плотно закрыты, запаха от них не идёт. Ну, Настя этого запаха не чувствует вовсе, так что для Инги он будет минимальным. Передвигать банки в течение дня, чтобы они подольше на солнце остались, конечно, муторно, но уж два дня она как-нибудь потерпит.

Инга Шаманова

От холодной тряпки на лбу стало гораздо приятнее, но то, как вода ручейками стекала за уши, и в уши, и на шею, Инге не понравилось совершенно. И почему хоть что-то в жизни не может идти так, как тебе хочется, без дурацких осложнений? Однако убирать тряпку было лень, двигаться не хотелось вовсе. Слабый запах лаванды успокаивал, голова уже не болела так сильно, и Инга с тихим выдохом провалилась в сон.

Инге снилось, как она несётся по заснеженному полю во весь опор, ветер комьями швыряет в нее снег, а мышцы горят от нагрузки. В тундре растительности немного, да и долго она не живёт. Никаких деревьев, даже кусты — редкость. Неимоверно легко нестись стремительно, когда земля утоптана, слякоти нет и снега немного. И холодный ветер совсем не пугает, ей почему-то даже не холодно.

В ее сознании сейчас все как-то раздвоенно: вот вроде она бежит, а вроде смотрит со стороны, как бежит белая волчица. Она не бежит, потому что за ней гонится охотник, и не бежит, чтобы поймать оленя в пищу. Она бежит будто ради развлечения. Нет, она бежит, чтобы показать Инге: смотри, как это здорово, как удивительно, нестись вот так во весь опор! Могущественной волчицей, а не слабой человеческой девочкой. Как будто пытается, несмотря на весь прежний гнев, показать, что превращение может быть чем-то хорошим.

А ее ли это был гнев? Может, это только сама Инга злилась, потому что боится, и приписывала эти чувства волчице. Возможно. Но сейчас Инга просто бежала, и это было потрясающе! Никаких больше тревог и волнений, никаких сомнений. Как прекрасно было скинуть с плеч всю эту ношу хоть на несколько минут!

Инга на мгновение проснулась и, не открывая глаз, крепко прижала к себе одеяло. Было тепло, вода больше не беспокоила, оставшаяся боль отступила сама собой. И одеяло такое мягкое и приятное. Накрыться им сил уже не хватало, и девочка снова задремала.

Анастасия Полякова

Настя убрала в комод остатки лаванды и ножницы, отложила в сторону тазик и поставила две банки эфирного масла на подоконник. Насколько удачной окажется ее попытка, девушка не знала. Более того, ее не отпускало ощущение, что она что-то явно напутала. Ещё в процессе поиска нужных ингредиентов пришло осознание, что досконально действий матери Настя не помнила, поэтому пришлось всё-таки полазять в библиотеке да поискать методы создания эфирных масел. Ну, понятно, да, почему в итоге девушка была категорически не уверена в результате.

Несмотря на то, что раза три минимум Настя умудрилась споткнуться, чуть не уронить банки и тазик, а потом и ножницы, Инга даже не шелохнулась, заснув глубоким, крепким сном. К вечеру похолодало, и, хотя комнаты отапливались, лучше

было укрыться чем-нибудь. Вырывать одеяло у девочки из рук было выше ее сил, поэтому Настя отыскала у себя в чемодане плед и аккуратно накрывала соседку, только бы не разбудить.

Кажется, боль ушла, потому что спала девочка на удивление спокойно. Черты лица разгладились, и Настя вдруг заметила, что она была ещё совсем ребенком, наверное, даже младше ее собственной сестры. Оля сейчас сидела на последнем уроке в школе и втихую болтала с подружками или уже домой шла, где мама готовит обед, да на полке в ряд стоят любимые энциклопедии, а Инга вынуждена была приехать в какой-то монастырь в горах, столкнуться со способностью, которой совершенно не хотела и которая доставляла ей столько боли, и находиться в окружении сплошь незнакомых людей, большинство из которых старше ее минимум лет на пять — в более взрослом возрасте, наверное, небольшая разница, но когда ты ребенок, подросток...

Теперь и Настю одолела усталость: так было всегда в последние дни, стоило ей углубиться в размышления. А потом усталость переходила в апатию, и делать что-либо, даже просто вставать с постели, не хотелось вовсе. Найти силы для борьбы не всегда получалось.

Анастасия Полякова

Баночка была средненькой, черной и матовой. Настя ее выбирала недолго банально потому, что выбора в деревенских магазинчиках почти не было, а ехать в Лхасу не хотелось. В баночку она потом перельет получившееся эфирное масло. Если оно вообще получится — найденный рецепт вызывал все больше сомнений. В очередной раз моргнув, девушка вдруг осознала, что сидела все это время на одном месте, разглядывая пустую баночку. На улице за это время окончательно стемнело.

Настя оглядела комнату, немного прищурившись: видно было плохо, но включенный свет мог разбудить Ингу. Спать хотелось неимоверно — просто растянуться на матрасе и не двигаться, — окаменевшие мышцы двигались с трудом, но девушка путем значительных усилий все же встала на ноги. Аккуратно сняла тряпку, сползшую Инге на глаза, подхватила оба тазика и, стараясь не расплескать воду, отнесла все обратно в душевые. Тряпку она натерла мылом, тщательно прополоскала и оставила сушиться. Затем вернулась в комнату и легла на футон. Пижамы нетронутая лежала возле подушки.

В монастыре было тихо. Настя даже птиц не слышала, хотя особо и не прислушивалась. Может, они и пели что-то своё, только достаточно далеко. Интересно, а на самих общежитиях есть какая-нибудь магическая защита? Ну, как та, что на монастыре в целом. Может, поэтому и птиц не слышно, что они слишком близко подлететь не могут? Как вообще возникла такая защита? Ее реально самому сделать? Их ничему такому не учат. Да и какой способностью можно такого добиться? Ментальной магией? Да ну, бред. Если только мощный ментальный маг какой-нибудь сидит целыми днями и мониторит посетителей. Ведь невозможно даже самому сильному из всех так чакру использовать, что потом годами и без его присутствия работать будет. Невозможно.

Мысли текли вяло-вяло, и Настя чувствовала, как холодеют конечности несмотря на

теплую одежду. Но встать с одеяла, чтобы укрыться, было выше ее сил. Так она и уснула, сжавшись в комочек и подрагивая от холода.

Инга Шаманова

Инга всегда вставала рано, но будильник все равно ставила: на 6:00 и 6:10, — просыпаясь обычно за несколько минут до звонка. Этот день стал исключением. Девочка проснулась настолько спокойной и довольной, что какое-то время просто нежилась, кутаясь в плед. И только несколько мгновений спустя подскочила: проспала!

Дисплей телефона высветил: 5:03. Не проспала, наоборот — слишком рано встала. Так что Инга успокоилась и легла обратно. Мысли спросонья текли вяло, и только этим девочка могла объяснить тот факт, что до нее не сразу дошло, что она укрыта чьим-то чужим пледом, потому как у нее такого добра с собой точно не было. Впрочем, почему же чьим-то. Личность владельца была очевидна, и Инга с изрядной долей смущения поняла, что ее соседка по комнате заботилась достаточно, чтобы не будить Ингу попыткой тянуть одеяло из рук, а вместо этого отдать свой плед.

Сама Настя продолжала спать. Так и не переодевшись в пижаму, она свернулась клубочком, будто кошка, и мелко дрожала от холода. "*Дура отбитая!*" — раздражённо подумала Инга, стаскивая плед с себя и укрывая им девушку. — "*Меня укрыла, а себе одеяло натянуть — мозгов нет!?*" Но раздражение было таким лёгким, что девочка замешкалась. За прошедшие месяцы она привыкла к нечеловеческой злости, ощущаемой каждую минуту каждого дня, и сейчас не могла не поразиться: этой злости, всего этого гнева.... не было? Нет, Инга по-прежнему ощущала какие-то отголоски, но они были настолько незначительными, что и думать неохота.

Обрывки сна смутно возвращались к ней. Волчица — она, она — волчица. Все было так просто и очевидно. Она сама на себя злилась, потому что сама себя боялась. И вместо того, чтобы поступить по-взрослому, предпочла закрыть глаза на все, что ей преподали в монастыре, и вести себя так, словно она и волчица — два разных существа. Какая нелепость! На сердце стало так легко, что хотелось смеяться, но Инга сдержала сиюминутный порыв. Не хотела будить Настю.

До подъема оставалось чуть больше получаса. Инга всерьез задумалась о первом превращении.
